

Новая газ. — 2000 — 4-10 Дек. — с 28

Современная пьеса помогла нам когда-то узнать Каму Гинкаса и его спектакль «Вагончик», Анатолия Васильева и его «Взрослую дочь молодого человека», «Серсо». Почти пятнадцать лет после режиссерскому театру не был нужен современный автор. И вот он понадобился снова.

Елена Гремина окончила Литинститут. Одна из первых ее пьес, «Миф о Светлане», была поставлена Зиновием Корогодским в Ленинградском ТЮЗе в 1983 году, песни для спектакля написала Ленина одноклассница Вероника Долина. В спектакле по ее пьесе «За зеркалом» певица Галина Вишневская впервые выступила как драматическая актриса. В «Сахалинской жене» — прославилась Инга Оболдина, на днях в Театре Моссвета начались репетиции пьесы «Глаза дня». Новую пьесу она пишет для Театра Табакова... А еще Гремина руководит проектом «Новая пьеса/New Writing» и российским документальным театром, входит в жюри семинара молодых драматургов в Любимовке...

— Впускает ли в себя сегодняшний «театр с колоннами» современную драматургию?

— В советские времена театр должен был согласно плану ставить одну современную пьесу в год. Как вы понимаете, это не была пьеса Петрушевской или Славкина, которых нельзя было даже через ВААП рекламировать для заграницы. Драматургия разрешенная была, по сути, навязанной, хотя, безусловно, попадались достойные вещи, балансирующие между конъюнктурой и попыткой сказать свое слово правды.

Но ситуация благоприятствования советской современной пьесе закончилась. Театр вздохнул с облегчением и начал ставить вымечтанный зарубежный авангард двадцатилетней давности. А люди тем временем продолжали писать пьесы.

Поколение, к которому я принадлежу, еще смогло найти свою дорогу на сцену. Но я знаю массу талантливых людей старше себя, которые не смогли этого сделать, — Юра Волков, например. Он работает сейчас во Франции как режиссер, наш театр прошел мимо него. Михаил Богомольный, трагически погибший Саша Попов. Целое поколение попало в некую культурную яму. Мою первую пьесу «Миф о Светлане» поставил Зиновий Яковлевич Корогодский. Это случилось единственный раз в моей жизни, когда на сцене все было так, как мне хотелось. Пьеса прошла всего один раз и была закрыта. Господствовала доктрина о положительном герое, она, на мой взгляд, нанесла больше вреда искусству, чем непосредственно цензура. А моя история про мать и дочь, живущих в маленьком городе, непрерывно варящих варенье и разбирающих эти бесконечные банки, — так проходила жизнь, шла по разряду «история неудавшейся судьбы». Конечно, ни о каком «лите» речи быть не могло. Тогда по молодости это был сильный удар.

Елена ГРЕМИНА:

У МОЛОДЫХ ДРАМАТУРГОВ — ОТЧАЯННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

А в новом времени театр пошел по пути коммерции. Брошенный на самоопуаемость, он борется за кассу, за зрителя, борется, как правило, бестолково, потому что маркетинг никаких не проводится и что люди хотят видеть, на самом деле никто не знает.

Почему-то люди, занимающиеся репертуарной политикой в театрах, думают, что окупаема в первую очередь комедия, какое-то легкоусвояемое развлекательное зрелище. У меня мнение совершенно другое: как развлекательная индустрия театр совершенно неконкурентоспособен. Обидно и глупо, когда театр уходит в сторону entertainment'a. Видео сейчас есть в любой точке планеты, даже у хантов в чуме. У театра совершенно другая ниша, и там, где люди это понимают, это работает.

Экономических механизмов, поддерживающих современную пьесу, какие есть в других странах, у нас пока не существует. Когда у нас театр ставит пьесу классика, он никому ничего не платит. Если он ставит пьесу современного автора,

он должен платить ему положенные по закону 10%, или вообще, страшно сказать, гонорар, а это уже получается расход. Тогда — тем более установка только на коммерческий успех. А театр и коммерческий успех — это совершенно разные мотивации, далеко не всегда пересекающиеся.

В других странах есть такие механизмы, мы сейчас пытаемся их освоить. Например, если шведский театр ставит пьесу современного шведского драматурга, то две трети стоимости постановки оплачивает государство. У них есть материальный стимул для работы с современной пьесой.

«Половое покрытие». Я уверена, что движение вокруг этих пьес начинается происходить не из-за их эпатажности — этого давно недостаточно. Это интересная современная драматургия.

— В прошлом году появился спектакль «Москва — открытый город», составленный из этюдов на темы столичной жизни. Это совершенно новая в России практика — спектакли в ночных клубах. Происходит это не столько от жажды нового сценического пространства, сколько от нежелания стационарного театра впускать в себя свежую кровь. Так насколько успешным оказался первый опыт?

— Это было страшно интересно, хотя бы потому, что таможня публика в принципе не ходит в театр. После пред-

лодраму, а трагедию или «сильно проблемную пьесу о молодой жизни». Если посмотреть на московскую театральную афишу, там этого практически нет. За исключением «Шопинг энд факинг».

— Современная драматургия может быть одним из способов возвращения молодежи в театр?

— Я совершенно в этом уверена. Вот Любимовка — это всего лишь чтение пьес, еще далеко не спектакли, а павильон Станиславского набивался до отказа, люди приходили к нам, как к Ильичу, пешком издалека, студенты, несмотря на сессию, каждый день приезжали из Москвы на читки. Это не единственное место, помогающее юным дарованиям заявить о

нами», который вызывает современного драматурга на спецобслуживание. Вокруг пьесы Максима Курочкина «Стальволя» мог родиться свой театр. Нет, Максим занимается тем, что пишет пьесу для звезды, Ксения Драгунская пишет переложения мифов. Одним словом, «малая драма закрыта на спецобслуживание».

Вот по документальному театру жду новых идей от Васи Сенина — это фоменковский выпускник.

— Как развивается проект «Новая пьеса», который еще до вручения «Антибукера» Гришковцу и Курочкину впервые опубликовал их тексты?

— Теперь это уже не группа энтузиастов, а целая ассоциация драматургов и деятелей театра со своим юридическим лицом. Туда вошли Алексей Слаповский, Николай Коляда, Эдуард Бояков, питерские драматурги. Причастность всех этих людей позволяет мне надеяться, что в 2001 году проект «Новая пьеса» будет процветать. Во всяком случае, фестиваль документального театра, который будет проходить с 10 по 14 декабря в Музее Станиславского и в Школе современной пьесы, мы готовим в рамках этого проекта. Приедут труппы из Челябинска, Екатеринбурга. Кемеровский театр «Ложа», в котором до Калининграда и Москвы работал Гришковец, привезет документальный спектакль о шахтерах «Угольный бассейн».

— Чем они вас удивляют, молодые драматурги?

— Ребятам был дан полный карт-бланш: хотите — собирайте материал про жизнь московских клубных завсегдатаев, банкиров, нефтяных магнатов, кого угодно. Одни поехали кочевать к ненцам, другие поехали в лагеря к беженцам, третьи поехали в зоны под Нижним Тагилом. У них у всех, кроме таланта, оказался страшный гражданский темперамент. Я никак не ожидала этого.

Еще в первом МХАТе Станиславский с Немировичем-Данченко ходили на Хитров рынок. Чтобы персонажи «На дне» были правдиво сыграны. Новизна здесь только в использовании контекста сегодняшней жизни.

Сегодняшний стационарный театр — страшно консервативное учреждение. Средний возраст главных режиссеров в Москве — около 70 лет. Для них современная пьеса — это не пьеса Мухомовой или Курочкина, это пьеса их молодости. Нужны альтернативные открытые сценические площадки, театры нового типа — без постоянной труппы, с приглашенными режиссерами. Театральная аудитория стремительно стареет. На что бы вы посоветовали пойти 17-летним в театр, ну на что?

Елена ГРЕМИНА

ставлений мы проводили анкетирование, и что мы прочитали? Клубная молодежь, которая пришла не думать, а танцевать, написала, что хотела бы видеть в театре не комедию или ме-

себе в профессиональной среде. Есть еще семинар в Щелыкове, есть «Антибукер».

Другое дело, что это все равно продолжает существовать в параллель к «театру с колон-